

политика

Е.И.Учаев, М.В.Харкевич
НЕМЫСЛИМОСТЬ
ТОТАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ:
ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
МОДЕРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-01054 (<https://www.rscf.ru/project/22-28-01054/>).

Евгений Иванович Учаев — магистр международных отношений, преподаватель и аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: eugeneuchaev@gmail.com.

Максим Владимирович Харкевич — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: kharkevich@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме релевантности политического реализма в условиях возможности тотальной планетарной катастрофы. Согласно гипотезе Е.Учаева и М.Харкевича, современный политический реализм — это постапокалиптическое течение мысли, базирующееся на представлении о наступлении окончательного состояния мира. Следовательно, в эпоху угроз существованию человечества реализм может быть отвергнут не по внешним основаниям, но в силу опровержения постапокалиптического мировоззрения, которое исторически и делало его возможным.

Политический реализм определяется в статье как подход к международным отношениям, постулирующий неизбежность конфликтов между множеством политических субъектов. Демонстрируется, что такой образ мысли требует восприятия времени как бесконечного. Опираясь на работы Бруно Латура и Эрика Фёгелина, Учаев и Харкевич показывают, что такое восприятие времени сформировалось на рубеже Средневековья и Нового времени через самопозиционирование Модерна как постапокалиптической эпохи, а государства Модерна — как постапокалиптического субъекта. Изучение текстов современного политического реализма подтверждает гипотезу о его постапокалиптической природе. Последовательно реалистская позиция обнаруживается только после укоренения в Европе постапокалиптического самовосприятия (ориентировочно в середине XVII в.) в результате триумфа суверенного государства. Она наиболее ярко раскрывается в концепции баланса сил конца XVII—XVIII вв. Авторы же, писавшие до

либо накануне данного перелома (Никколо Макиавелли и Томас Гоббс), в своих произведениях обращаются к апокалиптико-утопическому горизонту, где разобщенность трансформируется в политическое единство. В свою очередь возникшая в середине XX в. угроза тотальной ядерной войны становится для Ганса Моргентау, Джона Герца и Рейнхольда Нибура стимулом к преодолению реализма и разработке проектов глобальной политической реформы. Однако, по заключению Учаева и Харкевича, преодоление реализма останется незавершенным, пока не будет решена проблема политического субъекта глобальной реформы.

Ключевые слова: политический реализм, постапокалипсис, Модерн, государство, международные отношения, эсхатология

Введение

Политический реализм остается доминирующим направлением в осмыслении международных отношений (как минимум в России² и США³). В условиях обострения соперничества великих держав⁴ и общего укрепления позиций государства⁵ такая приверженность реализму, с одной стороны, понятна, с другой стороны, ввиду наличия беспрецедентных вызовов, чреватых уничтожением человечества *per se* и требующих масштабного международного сотрудничества⁶, небезопасна. Соответственно, встает вопрос об отношении к реализму в условиях глобальных экзистенциальных угроз.

Существует три ответа на этот вопрос. *Первый*: признать, что любые усилия по решению глобальных проблем возможны только в рамках фундаментальных закономерностей международной политики, фиксируемых реализмом (в частности, при центральной роли государства)⁷. Главная слабость данного подхода — отсутствие уверенности в достаточности таких усилий. *Второй*: отбросив реализм, разрабатывать сценарии трансформации миропорядка, соразмерные существующим вызовам⁸. Очевидный недостаток здесь — сомнительная практическая реализуемость, что косвенно признают и приверженцы этой линии⁹. Наконец, *третий*: попытаться каким-то образом совместить реализм и «утопию»¹⁰, к чему призывал еще Эдвард Халлетт Карр¹¹. Непротиворечивость получающихся в результате концепций, однако, вызывает сомнения даже у самих сторонников подобного синтеза¹².

Обратим внимание, что все три ответа исходят из имманентной дихотомии двух позиций: реализма и утопизма/идеализма. Показателен пример того же Карра, который, призывая к синтезу, одновременно описывал антитезу утопии и реальности как фундаментальную, проявляющуюся во множестве форм мысли¹³. Аналогичное бинарное противопоставление характерно и для других классических работ¹⁴, вследствие чего оно стало восприниматься в науке о международных отношениях как учредительное — «первые великие дебаты»¹⁵.

В настоящей статье обосновывается ошибочность дихотомического противопоставления реализма и идеализма-утопизма, которые

² Бордачев 2022.

³ *Should U.S. Foreign Policy 2020.*

⁴ *Trenin 2014; Wohlforth 2021.*

⁵ *Силаев и Проценко 2020; Каспе 2021.*

⁶ *Ord 2020.*

⁷ *Lieven 2020.*

⁸ *Biermann 2014; Bostrom 2019.*

⁹ *См., напр. Biermann 2014: 10.*

¹⁰ *Booth 1991; Scheurman 2011.*

¹¹ *Carr 1981: 10.*

¹² *Scheurman 2019.*

¹³ *Carr 1981: 11.*

¹⁴ *Morgenthau 1947; Herz 1951.*

¹⁵ *Lake 2013: 569.*

¹⁶ *Попытку примирить идеализм и реализм в рамках секулярной республиканской традиции см. Deudney 2007.*

¹⁷ *Робертс 2021.*

¹⁸ *Guilhot 2010; Brown 2015; Paipais 2016; Rengger 2017.*

¹⁹ *Аверинцев 2005: 61, 473, 520; Taubes 2009; Лёвиг 2021.*

²⁰ *Guilhot 2010.*

²¹ *Paipais 2016.*

²² *Steele 2007.*

²³ *McQueen 2018.*

²⁴ *Ibid.: 14.*

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ *Ibid.: 20—21.*

²⁷ *Ibid.: 196.*

²⁸ *Ibid.: 14.*

²⁹ *Макиавелли периода «Государя» для МакКуин — пример апокалиптики per se, а не реалистского обращения к ней (см. Ibid.: 79—96).*

³⁰ *Ibid.: 13—14.*

при этом рассматриваются не как секулярные теории¹⁶, а как *политические теологии*. Политико-теологический ракурс избран прежде всего в связи с распространенностью апокалиптических метафор, образов и настроений в дискуссиях о современных глобальных угрозах¹⁷. Но он вполне легитимен и академически: в последние годы появился целый ряд работ о теологических аспектах политического реализма¹⁸; широкое хождение имеет и тезис о преемственности между христианской эсхатологией и нововременными утопическими идеологиями и философиями¹⁹. В связи с этим проблема реализма в эпоху глобальных экзистенциальных угроз, как представляется, вполне может быть переформулирована как проблема реализма в апокалиптические времена.

На первый взгляд, такая реинтерпретация мало что дает, поскольку для большинства авторов теологическое измерение реализма, трактуется ли оно как катехонтизм²⁰ или как августирианство²¹, находится в оппозиции к эсхатологии и любым мессианским политическим проектам, например неоконсерватизму²². Однако недавняя книга американской исследовательницы Алисон МакКуин «Политический реализм в апокалиптические времена»²³ позволяет предположить, что исходного и однозначного противоречия между реализмом и эсхатологией не существует. Ее анализ трудов Никколо Макиавелли, Томаса Гоббса и Ганса Моргентау показывает, что «стратегии их ответа на апокалиптизм значительно более многогранны, чем простое и автоматическое противостояние»²⁴. Согласно МакКуин, упомянутые мыслители прибегают к двум стратегиям. Первой из них является «перенаправление» (redirection) — «использование апокалиптической риторики и образов с целью противодействия крайностям апокалиптизма»²⁵. Примером такого «перенаправления» может служить возникновение Левиафана — кульминация и одновременно преодоление «ужаса и хаоса естественного состояния», выступающее у Гоббса секулярным эквивалентом апокалипсиса²⁶, а также ядерная война — ужасающий «апокалипсис без искупления», перспектива которого в глазах позднего (после 1960 г.) Моргентау выдвигает императив построения мирового государства²⁷.

Впрочем, поскольку МакКуин тоже не удается полностью избежать дихотомического противопоставления реализма и апокалиптики (в частности, по ее мнению, обращения Гоббса и позднего Моргентау к апокалиптизму «входят в конфликт с их приверженностью реализму»²⁸), более естественной для реализма она считает вторую стратегию — «отвержение» (rejection), под которым понимается «принципиальный и осознанный отказ от апокалиптизма и принятие трагического мировоззрения», характерные для позднего (периода «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия») Макиавелли²⁹ и раннего (1940—1950 гг.) Моргентау³⁰. Но если так, становится непонятно, почему реалисты в принципе прибегали к «перенаправлению» апокалиптизма, а не только к его «отвержению».

Сама МакКуин пытается объяснить это противоречие двумя способами — через психологическую тяжесть последовательного реализма

- ³¹ *Ibid.*: 194—195. с его «трагическим» видением мира³¹ и через присущее реализму внимание к контексту. Второе объяснение подразумевает, что в условиях распространения апокалиптических настроений или перед лицом угроз действительно апокалиптического масштаба реалист будет обращаться к апокалиптизму с целью обеспечить практическую релевантность своего анализа³². Эти объяснения, на наш взгляд, недостаточны. Так, не все реалисты прибегают к эсхатологическим нарративам: их нет у Кеннета Уолтца³³, равно как и в древнегреческом реализме и древнегреческой трагедии³⁴, что ставит под вопрос ссылку на психологическую тяжесть. В свою очередь указание на внимание к контексту заставляет ожидать чисто инструментального использования апокалиптики, но, как демонстрирует та же МакКуин, аргументы Гоббса и Моргантау являются (квази)апокалиптическими не по форме, а по сути: они «используют надежды и страхи, связанные с апокалипсисом, чтобы обеспечить приверженность людей политическим порядкам, обещающим вечный мир»³⁵.

³⁵ *McQueen 2018*: 14.

Как представляется, ключ к пониманию истоков апокалиптической риторики реалистов следует искать в присущем реализму бесконечном восприятии времени, формирование которого и будет положено в центр нашего анализа.

Центральный аргумент и концептуальная рамка

В настоящей статье мы исходим из того, что современный реализм с самого начала был генеалогически связан с апокалиптикой, поскольку необходимая для реализма бесконечная темпоральность учреждалась через позиционирование политического субъекта «после конца времен», «после апокалипсиса». Следовательно, противостояние реализма и утопизма может быть прочитано как спор между постапокалиптической и апокалиптической точками зрения. В этом случае современный реализм, постулирующий неизбежную конфликтность и множественность политических субъектов, предстает не вековечной мудростью, гарантирующей неизменно точное описание реальности, а исторически обусловленной концепцией, зависящей от корректности постапокалиптической картины мира. Наступление ядерного века (и, шире, эпохи Антропоцена), опровергающее постапокалиптическое восприятие³⁶, побуждает отвергнуть реализм не по внешним для него соображениям, но в силу исчезновения тех исторических условий, которые с самого начала и делали его возможным.

³⁶ *Hamilton 2017*; *Uchaev 2021*.

Соответственно, сегодня есть все основания для принятия эсхатологического мировоззрения. Однако эсхатология (утопия) в свою очередь сталкивается с проблемой (теолого)политического субъекта, адекватного ядерному веку. Если эта проблема не будет решена, эсхатологическое мышление рискует оказаться столь же беспомощным перед лицом угрозы всеобщего конца, как и реализм.

³⁷ *Latour 2017*: 184—219.

Теоретической основой статьи служит тезис Бруно Латура о Модерне как постапокалиптической эпохе³⁷, эмпирически же представ-

ленная аргументация отталкивается от приведенных выше наблюдений МакКуин. Соединяя эти два источника, мы, во-первых, получаем более логичное и полное, чем у МакКуин, объяснение присутствия апокалиптики в реалистской мысли, а во-вторых, дополнительно подкрепляем тезис Латура на примере развития политического реализма в Новое время.

Для более убедительного обоснования выдвигаемой концепции мы расширяем охват анализа: помимо присутствующих у МакКуин Макиавелли, Гоббса и Моргентау, в статье рассматриваются концепция баланса сил в европейской политической мысли конца XVII—XIX вв., классические реалисты Рейнхольд Нибур и Джон Герц и неореалисты Уолтц и Джон Миршаймер. Масштаб темы обуславливает опору прежде всего на вторичную литературу; привлечение первоисточников носит преимущественно иллюстративный характер.

«Политический реализм» — многозначное понятие. В наиболее общем плане под ним понимается установка на практическую реализуемость выдвигаемых политических предложений, подразумевающая также учет социально-политического контекста действия при его этической оценке³⁸. Вместе с тем в науке о международных отношениях реализм приобрел более специфическое значение. Здесь реализм — это взгляд на международную политику, исходящий из трех презумпций: (1) множественность политических субъектов; (2) конфликтный характер отношений между ними; (3) неизбежность множественности и конфликтности. Выделение этих презумпций в качестве ключевых черт реализма согласуется с подходами как самих реалистов³⁹, так и сторонних исследователей данной традиции⁴⁰.

Эти два понимания реализма связаны. Реализм в международных отношениях просто фиксирует анархический и конфликтный контекст как неизменный, тестируя все возможные действия на предмет соответствия ему. За подобной фиксацией можно усмотреть и общую логику: при непосредственном эмпирическом восприятии реальность действительно предстает как множественность отдельных и часто противостоящих друг другу элементов. Универсальность и единство не схватываются непосредственным восприятием, а выводятся мысленным усилием, причем получающаяся в результате идейная конструкция постоянно рискует не выдержать очередного столкновения с множественной реальностью. В статье, когда особо не оговаривается иное, подразумевается второе, более конкретное понимание реализма.

В свою очередь, говоря об эсхатологии, мы имеем в виду «универсальную эсхатологию, то есть учение о цели и назначении космической и человеческой истории, об исчерпании ими своего смысла, об их конце и о том, что за этим концом последует»⁴¹. Эсхатологический нарратив содержит идею конца истории или конца времен, вслед за которым наступает новое, совершенное состояние мира — вечность / постистория / утопия (конечно, только для праведников). В миллениаризме и хилиазме это событие конца раздваивается: собственно концу времен

³⁸ Williams B. 2005: 1—17; Geuss 2008.

³⁹ См., напр. Morgenthau 1947: 175; Ripsman, Taliaferro, and Lobell 2016: 179.

⁴⁰ Bell 2008: 5; Williams M. C. 2005: 9.

⁴¹ Аверинцев 2005: 512.

в виде Страшного суда и наступления Царства Божия предшествует Тысячелетнее царство как последняя — и опять же совершенная — эпоха внутри истории⁴². Однако основной центр внимания и надежды здесь переносится на точку перехода к Тысячелетнему царству, и тем самым общая структура «история — конец истории — идеальное после» в главной своей сути остается неизменной. Во многом синонимичен «эсхатологии» и термин «апокалиптика» — с тем уточнением, что он обычно подчеркивает катастрофический характер события конца, предшествующего окончательному избавлению⁴³. Поскольку два принципиально важных для нашего изложения автора — Латур и МакКуин — используют в основном понятие «апокалиптика» («апокалиптический»), в статье отдается предпочтение именно ему, в том числе в случаях полной взаимозаменяемости с «эсхатологией». Отсюда, в частности, положительный оттенок значения слова «постапокалипсис» в контексте нашего исследования.

Статья состоит из шести частей (включая текущий раздел и введение). В следующей части обосновывается тезис Латура о постапокалиптической природе эпохи Модерна. В четвертой и пятой частях проверяется, соответствуют ли закономерности развития реализма в Новое время (XVI — XXI вв.) следствиям, вытекающим из тезиса Латура. В последней части подводятся итоги и намечаются пути решения проблемы современного эсхатологического субъекта.

⁴² Мольтман 2017: 156—161.

⁴³ Аверинцев 2005: 59.

Бесконечность реализма, государство и конец времен

Обратим внимание на различное восприятие времени в реализме и апокалиптике. МакКуин отмечает, что реализм «противопоставляет апокалиптической уверенности в направлении движения истории циклическое понимание политического времени»⁴⁴. Конкретно циклический характер темпоральности реализма может оспариваться — иногда она описывается как «открытая», допускающая новизну и изменения⁴⁵. Однако базового различия это уточнение не затрагивает: для реализма время бесконечно (будь то бесконечность циклического повторения или же ничем не ограниченная открытость будущему), для апокалиптики у него есть конец.

При этом бесконечная темпоральность имеет для реализма столь же фундаментальное, конститутивное значение, как конец времен для апокалиптики. Это связано с тем, что только в бесконечном времени может быть легитимировано присутствие множества политических субъектов. Конец времен является версией «общей судьбы», наличие которой создает предпосылки для формирования общей идентичности и — в перспективе — преодоления конфликтности и появления универсального политического субъекта⁴⁶. Как показал Мишель Фуко, нововременное государство (излюбленный политический субъект реализма) осмысляет себя как существующее в бесконечном времени в противовес средневековой универсальной империи, легитимировавшей себя эсхатологическим ожиданием конца⁴⁷. Некоторые абсолютистские госу-

⁴⁴ McQueen 2018: 13.

⁴⁵ Hom and Steele 2010.

⁴⁶ Wendt 1999: 349—353.

⁴⁷ Фуко 2011: 340, 471. См. также Allan 2018: 108, 143—148; Shoemaker 2018. Подробнее о бесконечной темпоральности государства Модерна см. Учаев и Квартальный 2022.

⁴⁸ Koselleck 2004: 16—17, 21.

дарства даже прямо запрещали апокалиптические пророчества, расценивая их как угрозу своему существованию⁴⁸.

⁴⁹ Taubes 2009: 65—122.

Казалось бы, приведенные аргументы лишь подкрепляют представление о непримиримом конфликте реализма и апокалиптики, укореняя его еще и в несовместимости их темпоральностей. Однако зададимся вопросом: если для реализма и государства необходима бесконечная темпоральность, то каким образом они возникли в европейском христианском контексте, глубоко пропитанном эсхатологическими представлениями⁴⁹?

⁵⁰ Покок 2020: 132.

В поисках ответа на этот вопрос имеет смысл обратиться к Джону Пококу, который, столкнувшись со схожей проблемой при изучении возникновения ренессансного республиканизма, обозначил, на наш взгляд, исчерпывающий диапазон открывающихся здесь возможностей: «Поскольку республика не была ни обществом, основанным на обычае, ни частью воинствующей церкви, ей надлежало оставаться моментом во времени — моментом либо исполнения пророчества, либо иррационального вращения колеса фортуны — или же попытаться выйти за рамки системы понятий, которую мы обрисовали»⁵⁰. Ввиду того что абсолютный выход за рамки сложившейся ментальности невозможен и любое новое формулируется исходно посредством уже имеющегося (через его переопределение, комбинирование, смещение значения), и у занимавшего Покока республиканизма, и у интересующего нас реализма в конечном счете было два пути.

⁵¹ Там же.

Первый — «откатиться» к античному, дохристианскому представлению о времени как о цикличном «иррациональном вращении колеса фортуны». Второй — осмелиться помыслить свое время как «момент исполнения пророчества» и заявить, что новый политический субъект — республика или государство — «воплощал и осуществлял Тысячелетнее царство или Третий Завет»⁵¹. Первый путь, особенно как массовый выбор, выглядит неправдоподобным: он потребовал бы забвения предшествующей тысячелетней истории и полного отказа от христианской надежды. Как мы увидим далее на примере Макиавелли, даже самые смелые умы не могли однозначно на это решиться. Вместе с тем тот же Покок отмечает, что второй путь — обращение светских правителей к миллениаризму для легитимации своей власти — был достаточно широко распространен на рубеже Средневековья и Нового времени⁵².

⁵² Там же: 88—89.

Таким образом, конструирование бесконечности в христианском контексте оказывается возможным посредством позиционирования себя и мира «после конца времен», «после апокалипсиса», в реализованном Тысячелетнем царстве. На эту фундаментальную характеристику Модерна обращает внимание Латур, творчески развивая тезис Эрика Фёгелина о Модерне как эпохе гностицизма. В его интерпретации, «люди Модерна, согласно Фёгелину, начали верить, что на место содрогания перед лицом незавершенности мира (следовавшей из политической теологии св. Августина) могла прийти новая возможность — за-

⁵³ Latour 2017: 199.

⁵⁴ Фёгелин 2021: 277—306.

⁵⁵ Latour 2017: 195—196.

⁵⁶ Ibid.: 212.

⁵⁷ Например, по Фуко, гражданское общество (см. Фуко 2011: 458).

⁵⁸ Фёгелин 2021: 242—247.

⁵⁹ Там же: 256—257.

⁶⁰ Hall 2009: 70—73; McQueen 2018: 109.

⁶¹ Покок 2020: 88—89.

⁶² McQueen 2018: 111—113.

⁶³ Кревельд 2019: 149—157.

вершение, достижение полноты мира здесь, в земной реальности, благодаря вторжению Духа и его последователей»⁵³. Отметим, однако, что сам Фёгелин не ставит знак равенства между гностицизмом и позицией после конца времен. В его описании гностические движения осмысляют себя как существующие накануне конца и действующие, чтобы его приблизить⁵⁴. Напротив, в трактовке Латура Модерн наступает, когда критическая масса людей осознает себя «после конца», по ту сторону разрыва⁵⁵. Люди Модерна у Латура в буквальном смысле живут в постапокалиптическую эпоху⁵⁶.

На наш взгляд, расхождение между Латуром и Фёгелином (которого сам Латур, похоже, не замечает) можно снять через дифференциацию темпоральностей разных политических субъектов. На пороге Нового времени эсхатологические ожидания исполняются, и постапокалиптическая эпоха наступает в государстве и для государства (и для всех, кто связывает себя в первую очередь именно с государством). Другие политические субъекты⁵⁷ могут сохранять незавершенность эсхатологии и стремиться реализовать *свой* конец истории.

Применительно же к государству Модерна возникновение постапокалиптического (само)восприятия можно представить в виде последовательности из четырех шагов. Первые два в целом фиксирует уже Фёгелин. *Первый шаг*: артикуляция Иоахимом Флорским той идеи, что история завершается не переходом в некое внеисторическое инобытие Царства Божия, а достижением идеального состояния общества на земле⁵⁸. *Второй шаг*: формирование установки, что это требует не только божественного вмешательства, но и человеческой активности. Фёгелин здесь противопоставляет представления об имманентном источнике прорыва к земному совершенству вере в трансцендентный характер такового⁵⁹, однако даже более важным является сдвиг от пассивного ожидания к активному самостоятельному действию (которое при этом может осмыслиться и как движимое трансцендентным «сошествием Духа»). Этот сдвиг наблюдается уже у многих милленаристских движений позднего Средневековья, например у мюнстерских анабаптистов⁶⁰. В результате этих двух шагов складывается как раз описанное Фёгелином самовосприятие «накануне конца времен». Чтобы показать, как оно трансформируется в самовосприятие «после конца», необходимо зафиксировать еще два шага, которые Фёгелин оставляет без внимания. *Третий шаг*: субъектом, ответственным за переход в совершенное общество, назначается суверенный монарх⁶¹ (что иногда сопровождается определением католической церкви как Антихриста, который должен быть одолен в «последней битве»⁶²). Наконец, *четвертый шаг*: победа (которую можно условно датировать 1648 г.) суверенного территориального государства в борьбе за статус доминирующего политического субъекта⁶³, что с точки зрения рассмотренных выше представлений логически означало наступление новой, постапокалиптической эпохи.

**Постапокалипсис
модерного
реализма**

Приведенные соображения пока лишь добавляют убедительности предположению о постапокалиптической природе модерного реализма, но сами по себе еще не подтверждают его. Также не очевидно, в какой мере постапокалиптичность остается важной чертой сознания Модерна (и, следовательно, модерного реализма) на всем протяжении эпохи. Может быть, такая самоинтерпретация, сыграв свою роль в момент перехода к Новому времени, далее постепенно теряет значимость? Чтобы разрешить эту проблему, перейдем непосредственно к анализу истории развития нововременного политического реализма. У постапокалиптической трактовки, если она верна, должен быть ряд следствий, которые можно представить в виде трех проверяемых гипотез.

1. Формирование устойчивого и последовательного политического реализма происходит только после укоренения в коллективной ментальности Модерна постапокалиптического самовосприятия; до этого попытки реалистского осмысления политики остаются половинчатыми и внутренне противоречивыми.
2. В силу своего постапокалиптического характера последовательный реализм не рассматривает реальность как чрезмерно трагическую и катастрофическую.
3. Когда в середине XX в. из-за угрозы тотальной катастрофы постапокалиптическая картина мира оказывается под вопросом, реализм снова становится неустойчивым, возникают попытки его внутреннего преодоления.

Этапу до укоренения постапокалиптического самовосприятия (которое мы условно датируем «после 1648 г.») соответствует творчество Макиавелли. В первой трети XVI в. он еще не имел доступа к «постапокалиптическому» решению, оказываясь замкнут в дихотомии «(квази) эсхатологическое свершение vs. античная цикличность». Между этими полюсами он и колеблется, будучи не в состоянии сделать окончательный выбор. Неустойчивость макиавеллиевского реализма особенно ярко проявляется в «Государе»⁶⁴, где вполне реалистское намерение «правильно постичь природу князя»⁶⁵ заканчивается в итоге указанием на «беспримерные знамения Божии»⁶⁶ и упованием на то, что «Италия после стольких лет ожидания» увидит наконец «своего спасителя»⁶⁷. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли, напротив, максимально близко подходит к античному трагизму и признанию неизбежности круговорота развития и упадка⁶⁸: «Вечная республика невозможна, потому что множество различных обстоятельств влекут ее в гибель»⁶⁹. Однако даже в «Рассуждениях» (в период своего, по оценке МакКуин, «зрелого реализма»⁷⁰) Макиавелли сохраняет проблески надежды на возможность республики, преодолевшей циклы фортуны: «Если бы какая-нибудь республика была столь счастлива, чтобы часто видеть рождение среди себя людей, пример которых... придал бы ее законам суровость и которые не только удерживали бы ее на рубеже ее гибели, но и могли бы привести ее в прежнее состояние, то, конечно, она

⁶⁴ McQueen 2018: 79—96.

⁶⁵ Макиавелли 2015a: 54.

⁶⁶ Там же: 122.

⁶⁷ Там же: 124.

⁶⁸ McQueen 2018: 98—102.

⁶⁹ Макиавелли 2015b: 375.

⁷⁰ McQueen 2018: 103.

⁷¹ *Макиавелли 2015b: 383.*

была бы вечной»⁷¹. Отметим, что Макиавелли не занимает реалистской позиции по отношению к современному ему состоянию Италии: он не признает разделенность полуострова на множество политий неизбежным результатом человеческой конфликтности, а стремится положить этой разделенности конец.

В свою очередь написанный более чем столетие спустя (в 1651 г.) «Левиафан» Гоббса прекрасно иллюстрирует момент появления постапокалиптического самовосприятия. Опять же, полноценный и всепроникающий реализм применительно к «естественному состоянию» должен был бы допускать возможность бесконечного воспроизводства «войны всех против всех». Тем более что страх смерти, который в «Левиафане» предстает одним из ключевых мотивационных механизмов преодоления «естественного состояния», в эпоху английской гражданской войны в действительности часто затмевался страхом перед гробным воздаянием, и сам Гоббс, как показывает МакКуин, осознавал этот факт⁷². Это осознание вынуждало его выстраивать, по сути, нормативную аргументацию, которая бы убеждала людей, что самой смерти *следует* бояться больше, чем посмертного суда⁷³. Соответственно, формирование суверена у Гоббса — это не логичный и реалистичный продукт «естественного состояния», а квазиапокалиптический нормативный проект.

⁷² *McQueen 2018: 129—130.*

⁷³ *Ibid.: 131—132.*

Адекватность такой характеристики «Левиафана» подтверждает и то, что логика взаимодействия множества конкурирующих суверенов у Гоббса отлична от логики поведения множества конкурирующих индивидов в досуверенном мире⁷⁴. Свобода суверенов по отношению друг к другу «не приводит к тем бедствиям, которые сопровождают свободу частных лиц»⁷⁵. Поэтому партикулярное суверенное государство является для Гоббса достаточным и окончательным решением проблемы безопасности и благополучия человеческого существования. Иначе говоря, эквивалентом постапокалиптического состояния.

⁷⁴ *Bull 1981: 728—729; Williams 1996: 232.*

⁷⁵ *Гоббс 2001: 88.*

Наконец, если «Левиафан» Гоббса иллюстрирует сам момент перелома — возникновения постапокалиптического самовосприятия, то в укоренившемся виде такое самовосприятие раскрывается в концепции баланса сил в европейской политической мысли и практике конца XVII — XIX вв. Многие исследователи отмечали влияние ньютоновской картины мира (подразумевавшей, помимо прочего, бесконечное время) на формирование теории и практики баланса сил⁷⁶. Баланс сил воспринимался как установленный свыше вечный закон, следование которому обеспечивает свободу независимых государств, а также мир между ними⁷⁷. Подобное восприятие получило широкое отражение и в официальных документах, ярким примером чему служит Утрехтский мирный договор, в котором «справедливый баланс сил» характеризовался как «лучшее и самое прочное основание взаимной дружбы и продолжительного всеобщего согласия»⁷⁸. Европейская система государств, несмотря на признание ее анархичности, а также важности силового фактора, расценивалась теоретиками баланса сил отнюдь не как «траги-

⁷⁶ *Butterfield 1966: 132, 141; Allan 2018: 75—138.*

⁷⁷ *Butterfield 1966: 141—145; Sheehan 1996: 33—35.*

⁷⁸ *Wight 1966: 153.*

ческая», но как актуально упорядоченная или, по меньшей мере, потенциально упорядочиваемая именно посредством следования принципу баланса сил⁷⁹. Эту установку не подрывали и почти постоянные войны, которые, впрочем, были ограниченными как по своим целям, так и по способам ведения⁸⁰. В итоге складывалась следующая картина: суверенное государство, являющееся окончательной и непревзойденной политической формой, упорядочивает и гармонизирует свои отношения с множеством других суверенных государств путем реализации вечно-го и неизменного принципа баланса сил. Дальнейшее развитие может быть только количественным; в качественном смысле мир уже достиг, если можно так выразиться, конца истории *ante litteram*.

⁷⁹ *Ibid.*: 153—154;
Зонова 2003:
17—24.

⁸⁰ *Sheehan 1996*:
100—106.

**Реализм в XX в.:
незавершенное
преодоление
пост-
апокалипсиса**

Таким образом, анализ узловых точек международно-политической мысли XVI—XIX вв. подтверждает первые две гипотезы: последовательный реализм (определяемый, напомним, как представление о неизбежной множественности и конфликтности политических субъектов) формируется только после укоренения постапокалиптического самовосприятия; и признание реализмом неизбежной конфликтности не эквивалентно принятию трагичности политического мира. Обратимся теперь к проверке третьей гипотезы и посмотрим, что происходит с реализмом после появления угрозы тотальной ядерной катастрофы.

События первой половины XX века поставили под вопрос обоснованность постапокалиптического мировосприятия. Постепенная массовизация и механизация войны сделали боевые действия намного более разрушительными⁸¹, что наглядно проявилось в двух мировых войнах. Изменения в военном деле сопровождались и возникновением новых утопических воззрений — социализма, романтического национализма, «научного» расизма, бросавших вызов суверенно-государственному концу истории и опиравшихся на общий динамизм индустриального капиталистического общества⁸². Постапокалиптический оптимизм стал невозможен уже после Первой мировой войны, однако единственный характер катастрофы вызвал поначалу не трагический пессимизм, а поиск нового утопического выхода из ситуации, признанной неприемлемой⁸³.

⁸¹ *Buzan and
Lawson 2015*:
240—244.

⁸² *Ibid.*: 97—101.

⁸³ *Что потом и
критиковали клас-
сические реалисты
(см. Morgenthau
1947; Carr 1981*:
22—88).

⁸⁴ *McQueen 2018*:
175—177.

⁸⁵ *Morgenthau
1948*: 196.

⁸⁶ *Morgenthau
1947*: 175.

Повторение катастрофы в 1939—1945 гг., причем в увеличенном масштабе, повысило убедительность трагического мировосприятия, которое, сознавая неприемлемость текущего международно-политического положения, не надеется на качественное его исправление. В первые послевоенные годы очень близко к последовательной артикуляции такого мировосприятия подошел, в частности, Моргентау⁸⁴. Он писал о жизни «под пустым небом, покинутом богами»⁸⁵, о том, что «нет никакого прогресса по направлению к добру, заметного от года к году, есть только неразрешенное противостояние, в котором сегодня побеждает добро, а завтра — зло»⁸⁶.

Однако и сам Моргентау, и другие классические реалисты — Нибур и Герц — в итоге сделали выбор не в пользу трагизма, а в пользу новой надежды. Как ни парадоксально, ее источником для них стала угроза ядерной войны. Моргентау, Герц и Нибур осознали ядерную войну как общую для всего человечества угрозу, которой нельзя удовлетворительным образом противодействовать в рамках анархического международного порядка, включающего в себя множество суверенных государств. Они также надеялись, что такое осознание, распространившись на широкие массы, станет импульсом к постепенному формированию некоей общемировой, универсальной политической формы и, следовательно, преодолению анархии⁸⁷. Так, Герц в 1957 г. отмечал, что теперь «только глобальное правление может в конечном счете удовлетворить интересы любой державы, в особенности сверхдержав, в области безопасности»⁸⁸. А Моргентау в начале 1960-х годов писал о необходимости — и возможности (!) — «устранения самих по себе международных отношений посредством слияния всех национальных суверенитетов в единое мировое государство, которое бы обладало монополией на самые разрушительные средства насилия»⁸⁹.

Данный ход мысли полностью естествен и объясним с точки зрения постапокалиптической интерпретации реализма. Для Моргентау, Герца и Нибура апокалипсис (в виде возможной ядерной войны) вновь оказался не позади, а впереди. И, как и в Средневековье, мысль о конечности времени человечества вновь привела к политическому универсализму. В ядерную эпоху, как сформулировал Моргентау, «реалистический и утопический подходы к... международным отношениям сливаются в один»⁹⁰. Таким образом, подтверждается и третья выдвинутая гипотеза: возвращение перспективы апокалипсиса в виде ядерной войны дестабилизирует реализм и запускает процесс его внутреннего преодоления.

Это преодоление, впрочем, осталось незавершенным. Постапокалиптическое самовосприятие снова вернулось — в форме неореализма, в котором владе- и государствоцентричная онтология соединилась с позитивистской «объективной» эпистемологией⁹¹. Осмысление политики как искусства, а не науки⁹² оказалось заменено тезисами о рациональности государств⁹³ и менеджировании межгосударственных отношений⁹⁴: из познаваемости мира логически выводилась его управляемость, даже если это мир множества государств, обеспокоенных поддержанием собственной мощи и безопасностью. На место подхода Карра и Моргентау, еще сохранявших историзм мышления⁹⁵, пришли хронофетишизм и темпоцентризм Уолтца и Роберта Гилпина — представления о естественности и неизменности текущего (анархического и конфликтного) состояния международной системы в сочетании с проекцией этого состояния на всю предшествующую историю⁹⁶. Соответственно, в неореализме исчезла тема глобальной политической организации⁹⁷. Вердикт Уолтца в разделе его монографии, озаглавленном (что само по себе симптоматично) «Добродетели анархии», на долгое время

⁸⁷ *О Моргентау и Нибура см. Craig 2003; о Герце — Munster and Sylvest 2016: 75—82.*

⁸⁸ *Herz 1957: 491.*

⁸⁹ *Цит. по: Craig 2003: 109.*

⁹⁰ *Цит. по: Ibid.: 108.*

⁹¹ *Guilhot 2017: 184—219.*

⁹² *Morgenthau 1947: 16.*

⁹³ *Mearsheimer 2001: 31, 363.*

⁹⁴ *Waltz 1979: 194—210.*

⁹⁵ *Hobden 2002: 48—49.*

⁹⁶ *Hobson 2002: 5—20.*

⁹⁷ *Scheuerman 2011: 94—96.*

закрывает любую дискуссию внутри реализма по данному вопросу: «Перспектива мирового правительства стала бы приглашением готовиться к мировой гражданской войне»⁹⁸.

⁹⁸ Waltz 1979: 112.

⁹⁹ Почему удалось само нивелирование — отдельный вопрос, выходящий за рамки настоящей статьи. Частичное объяснение см. Уцаев и Квартальнов 2022.

¹⁰⁰ Waltz 1990.

¹⁰¹ Mearsheimer 2001.

¹⁰² Ibid.: 401—402.

Не противоречит ли нашей концепции этот возврат к последовательному реализму в ядерную эпоху? Нет, поскольку он осуществился не посредством примирения с трагичностью и катастрофичностью мира, а путем мировоззренческого нивелирования тотальной угрозы⁹⁹. Парадигматическим примером здесь может служить позитивное отношение Уолтца к ядерному оружию, которое, с его точки зрения, автоматически сдерживает конфликты между рациональными государствами¹⁰⁰. Представляется, что даже Миршаймер, прямо говорящий о трагедии¹⁰¹, в действительности не имеет ее в виду. В чем подлинная «трагедия великодержавной политики», если, согласно Миршаймеру, у США есть все шансы сохранить свое ведущее положение в международной системе, поддерживая собственную региональную гегемонию и не допуская появления гегемонов-конкурентов в других регионах мира¹⁰²?

**(Не)мыслимость
тотальной
катастрофы и
эсхатологический
субъект**

Итак, гипотеза о постапокалиптической природе нововременного политического реализма получает подтверждение. Мир последовательного современного реализма — это не античный космос, где возможна подлинная трагедия и нет выхода из циклов подъема и разложения. Его мир — это космос Божественный и упорядоченный, можно сказать, одомашненный, в котором государство не обречено на неизбежный упадок, а антагонизм межгосударственных отношений можно компенсировать и смягчить искусственным овладением политикой баланса сил. В нашей интерпретации элементы трагического мировосприятия не определяющая черта реализма, как часто утверждается¹⁰³, а свидетельство моментов кризиса реалистского мировоззрения. Последовательно и уверенному в себе реализму в эпоху Модерна, напротив, присущ особый постапокалиптический оптимизм. Что из этого следует?

¹⁰³ Thompson and Myers (eds.) 1984; Lebow 2003; Rengger 2008.

Во-первых, апокалиптический ход мысли у Макиавелли, Гоббса и Моргентау имеет логическое объяснение. Первые двое пишут до (Макиавелли) либо накануне (Гоббс) укоренения постапокалиптического самовосприятия, связанного с триумфом суверенного государства, когда альтернативой эсхатологической надежде были только глубокий пессимизм и примирение с гражданскими войнами. В свою очередь Моргентау обращается к (квази)эсхатологическому проекту мирового государства, когда угроза тотальной ядерной войны поставила под вопрос постапокалиптическую картину мира.

Во-вторых, в свете представленной концепции правильным является подход Моргентау, а не неореалистов. Если «отмена» апокалипсиса была самим условием утверждения политического реализма в Новое время, то возвращение апокалипсиса — это отнюдь не просто внешний факт, входящий в противоречие с реалистской традицией, а исчезно-

вание одной из опор, на которых данная традиция все это время (пусть преимущественно незаметно для себя) держалась. Позиция неореалистов, делающих вид, что ничего не изменилось и опора постапокалиптизма по-прежнему на месте, представляется крайне сомнительной. В эпоху ядерного оружия, изменения климата и непредсказуемых последствий дальнейшего развития биотехнологий и искусственного интеллекта¹⁰⁴ невнимание к возможности тотальной катастрофы — не признак трезвой реалистичной оценки ее объективно низкой вероятности, а искажение постапокалиптического сознания.

¹⁰⁴ Ord 2020.

¹⁰⁵ Booth 1991;
Lebow 2003;
Williams M. C.
2005.

¹⁰⁶ McQueen 2018:
205.

Этим искажением затронут и ряд недавних обращений к наследию классического реализма¹⁰⁵, включая многократно упоминавшуюся работу МакКуин. Ее наиболее универсальный нормативный вывод формулируется как «культивирование искусства переживать катастрофы»¹⁰⁶. Это лозунг сознания, способного помыслить только «умеренные» катастрофы, которые можно пережить. Тотальную катастрофу, которую (если целью выступает сохранение человечества) необходимо именно предотвратить, постапокалиптическое мышление представить не в состоянии.

Если ответственно относиться к угрозе конца человечества, то реалистская позиция, подразумевающая, еще раз напомним, неизбежность конфликтов между множеством политических субъектов, становится невозможной. Точнее, она возможна лишь при замене в ее основании опоры на постапокалиптический оптимизм опорой на всеобъемлющий трагический пессимизм. Такая операция не противоречит законам физики, вот только за последние 500 лет на нее мало кто решался¹⁰⁷. Что-то похожее имел в виду Майкл Мандельбаум, предлагавший для психологического примирения с ядерным оружием вернуться от линейного взгляда на историю обратно к циклическому¹⁰⁸. Но и здесь видны следы постапокалиптической ментальности: для нового цикла в истории человечества нужно, чтобы от человечества хоть что-то уцелело, а значит, опять игнорируется возможность *тотальной* катастрофы.

¹⁰⁷ По крайней мере из авторов, имеющих отношение к международно-политической мысли.

¹⁰⁸ Mandelbaum 1981: 228—229.

Только стоит ли надеяться на нетотальность катастрофы, если возможна надежда эсхатологическая? Вместе с тем, чтобы эта возможность стала реальностью, современная эсхатология должна решить проблему своего политического субъекта. Настало время вспомнить первое, более общее понимание реализма как установки на практическую реализуемость. Для радикальной трансформации существующего международно-политического порядка нужен кто-то, кто ее осуществит. Исторически эсхатологии и утопии были реалистичными (по меркам своего времени) в этом смысле. Они понимали, от кого ждут исполнения пророчества — в зависимости от эпохи это был Бог, империя, массовое революционное движение. На какого субъекта можем мы надеяться сегодня, когда впервые в истории задача не в приближении (и не в откладывании)¹⁰⁹ апокалипсиса, а в постоянном его предотвращении?

¹⁰⁹ Что делает менее очевидным, казалось бы, напрашивающееся в этом контексте обращение к идее катехона.

Библиография

- Аверинцев С.С. (2005) *София — Логос: Словарь*. Киев: Дух и Літера.
- Бордачев Т.В. (2022) «Почему в России любят реалистскую школу международных отношений» // *Профиль*, 1.09. URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-v-rossii-ljubyat-realistiskuju-shkolu-mezhdunarodnyh-otnoshenij-1149560/> (проверено 04.11.2022).
- Гоббс Т. (2001) *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М.: Мысль.
- Зонова Т.В. (2003) *Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития*. М.: РОССПЭН.
- Кревельд М. ван. (2019) *Расцвет и упадок государства*. М., Челябинск: ИРИСЭН; Социум.
- Лёвит К. (2021) *Смысл в истории: Теологические предпосылки философии истории*. СПб.: Владимир Даль.
- Макиавелли Н. (2015a) «Государь (князь)» // Макиавелли Н. *Государь*. М.: Академический проект: 51—124.
- Макиавелли Н. (2015b) «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» // Макиавелли Н. *Государь*. М.: Академический проект: 151—425.
- Мольтман Ю. (2017) *Пришествие Бога: Христианская эсхатология*. М.: Изд-во ББИ.
- Покок Дж.Г.А. (2020). *Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция*. М.: Новое литературное обозрение.
- Робертс А. (2021) *Вот и все: Зачем мы пугаем себя концом света?* М.: Индивидуум.
- Силаев Н.Ю. и Н.П.Проценко. (2020) «Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу» // *Международная аналитика*, т. 11, № 1: 11—26.
- Учаев Е.И. и А.А.Квартальнов. (2022) «Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии» // *Вестник МГИМО-Университета*: 1—23. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/3254/2474> (проверено 14.12.2022).
- Фёгелин Э. (2021) *Новая наука политики: Введение*. СПб.: Владимир Даль.
- Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году*. СПб.: Наука.
- Allan B.V. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bell D. (2008) «Introduction: Under an Empty Sky — Realism and Political Theory» // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 1—25.
- Biermann F. (2014) *Earth System Governance: World Politics in the Anthropocene*. Cambridge (MA): The MIT Press.

Booth K. (1991) «Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice» // *International Affairs*, vol. 67, no. 3: 527—545.

Bostrom N. (2019) «The Vulnerable World Hypothesis» // *Global Policy*, vol. 10, no. 4: 455—476.

Brown C. (2015) «On the Disunity of Mankind» // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 44, no. 1: 141—143.

Bull H. (1981) «Hobbes and the International Anarchy» // *Social Research*, vol. 48, no. 4: 717—738.

Butterfield H. (1966) «The Balance of Power» // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 132—148.

Buzan B. and G.Lawson. (2015) *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Carr E.H. (1981) *The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, Basingstoke: Macmillan.

Craig C. (2003) *Glimmer of a New Leviathan: Total War in the Realism of Niebuhr, Morgenthau, and Waltz*. New York: Columbia University Press.

Deudney D.H. (2007) *Bounding Power: Republican Security Theory from the Polis to the Global Village*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Geuss R. (2008) *Philosophy and Real Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Guilhot N. (2010) «American Katechon: When Political Theology Became International Relations Theory» // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, vol. 17, no. 2: 224—253.

Guilhot N. (2017) *After the Enlightenment: Political Realism and International Relations in the Mid-Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hall J.R. (2009) *Apocalypse: From Antiquity to the Empire of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Hamilton C. (2017) *Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene*. Cambridge: Polity Press.

Herz J.H. (1951) *Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities*. Chicago: University of Chicago Press.

Herz J.H. (1957) «Rise and Demise of the Territorial State» // *World Politics*, vol. 9, no. 4: 473—493.

Hobden S. (2002) «Historical Sociology: Back to the Future of International Relations?» // Hobden S. and J.M.Hobson, eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 42—59.

Hobson J.M. (2002) «What's at Stake in „Bringing Historical Sociology Back into International Relations“? Transcending „Chronofetishism“ and „Tempocentrism“ in International Relations» // Hobden S. and J.M.Hobson,

eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 3—41.

Hom A.R. and B.J.Steele. (2010) «Open Horizons: The Temporal Visions of Reflexive Realism» // *International Studies Review*, vol. 12, no. 2: 271—300.

Kaspe S.I. (2021) «Life, Death, and the State» // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 174—204.

Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Colombia University Press.

Lake D.A. (2013) «Theory Is Dead, Long Live Theory: The End of the Great Debates and the Rise of Eclecticism in International Relations» // *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3: 567—587.

Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.

Lebow R.N. (2003) *The Tragic Vision of Politics: Ethics, Interests and Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lieven A. (2020) «Climate Change and the State: A Case for Environmental Realism» // *International Institute for Strategic Studies*, 24.03. URL: <https://www.iiss.org/blogs/survival-blog/2020/03/climate-change-and-the-state> (accessed on 05.11.2022).

Mandelbaum M. (1981) *The Nuclear Revolution International Politics before and after Hiroshima*. Cambridge: Cambridge University Press.

McQueen A. (2018) *Political Realism in Apocalyptic Times*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mearsheimer J.J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London: W.W.Norton & Company.

Morgenthau H.J. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House.

Morgenthau H.J. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.

Munster R. van and C.Sylvest. (2016) *Nuclear Realism: Global Political Thought during the Thermonuclear Revolution*. New York: Routledge.

Ord T. (2020) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York: Hachette Books.

Paipais V. (2016) «Overcoming „Gnosticism“? Realism as Political Theology» // *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, no. 4: 1603—1623.

Rengger N. (2008) «Realism, Tragedy, and the Anti-Pelagian Imagination in International Political Thought» // Williams M.C., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 118—136.

Rengger N. (2017) *The Anti-Pelagian Imagination in Political Theory and International Relations: Dealing in Darkness*. London, New York: Routledge.

Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press.

Scheuerman W.E. (2011) *The Realist Case for Global Reform*. Cambridge: Polity Press.

Scheuerman W.E. (2019) *Progressive Realism: Possible? Yes. Coherent? Perhaps Not*. Duke Global Working Paper Series No. 2019/10. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3448691 (accessed on 04.11.2022).

Sheehan M. (1996) *The Balance of Power: History and Theory*. London, New York: Routledge.

Shoemaker S.J. (2018) *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

«Should U.S. Foreign Policy Focus on Great-Power Competition?» (2020) // *Foreign Affairs*, 13.10. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ask-the-experts/2020-10-13/should-us-foreign-policy-focus-great-power-competition> (accessed on 05.11.2022).

Steele B.J. (2007) «„Eavesdropping on Honored Ghosts“: From Classical to Reflexive Realism» // *Journal of International Relations and Development*, vol. 10, no. 3: 272—300.

Taubes J. (2009). *Occidental Eschatology*. Stanford: Stanford University Press.

Thompson K. and R.J.Myers, eds. (1984) *Truth and Tragedy: A Tribute to Hans J. Morgenthau*. London, New York: Routledge.

Trenin D.V. (2014) «The Ukraine Crisis and the Resumption of Great Power Rivalry» // *Carnegie Moscow Center*, July. URL: https://carnegieendowment.org/files/ukraine_great_power_rivalry2014.pdf (accessed on 03.11.2022).

Uchaev Ye.I. (2021). «The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats» // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 206—227.

Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (MA): Addison-Wesley.

Waltz K.N. (1990) «Nuclear Myths and Political Realities» // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 3: 730—745.

Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wight M. (1966) «The Balance of Power» // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 149—175.

Williams B. (2005) *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Williams M.C. (1996) «Hobbes and International Relations: A Reconsideration» // *International Organization*, vol. 50, no. 2: 213—236.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wohlforth W.C. (2021) «How (Not) to Evaluate U.S. Decline and the Emerging Great Power Rivalry» // *Journal of International Analytics*, vol. 12, no. 3: 12–18.

Ye.I.Uchaev, M.V.Kharkevich
**UNTHINKABLE DOOMSDAY:
 POSTAPOCALYPTIC NATURE
 OF MODERN POLITICAL REALISM**

Yevgeny I. Uchaev — M.A. in International Relations; Lecturer and Ph.D. Student at the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Email: eugeneuchaev@gmail.com.

Maxim V. Kharkevich — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Email: kharkevich@mail.ru.

Abstract. The article discusses the relevance of political realism in the times when a total planet catastrophe is possible. According to Ye.Uchaev and M.Kharkevich’s hypothesis, modern political realism is a post-apocalyptic direction of thought, which is based on the belief that a final state of the world has arrived. Therefore, now that human survival is under threat, realism could be rejected due to the denial of the postapocalyptic worldview, which historically made realism possible, rather than external reasons.

The article defines political realism as an approach towards international relations that assumes the inevitability of conflicts between multiple political actors. The authors claim that such an approach requires interpretation of time as infinite. Based on the works of Bruno Latour and Eric Voegelin, Uchaev and Kharkevich show that such a perception of time was formed at the turn of the Middle Ages and the New Age through the self-positioning of Modernity as a post-apocalyptic era, and the state within the Modern era — as a post-apocalyptic subject. The study of the texts of modern political realism confirms the hypothesis about its post-apocalyptic nature. A consistent realist position is found only after the post-apocalyptic self-perception took root in Europe (roughly in the middle of the 17th century) as a result of the triumph of a sovereign state. The realist position is most clearly revealed in the concept

of the balance of power of the late 17th—18th centuries. The authors who wrote before or on the eve of this turning point (Niccolò Machiavelli and Thomas Hobbes) in their works turn to the apocalyptic-utopian horizon, where disunity is transformed into political unity. In turn, the threat of the total nuclear war that emerged in the middle of the 20th century becomes an incentive for Hans Morgenthau, John Hertz and Reinhold Niebuhr to overcome realism and develop projects for global political reform. However, according to Uchaev and Kharkevich's conclusion, overcoming realism will remain incomplete until the problem of the political subject of global reform is resolved.

Keywords: political realism, post-apocalypse, Modernity, state, international relations, eschatology

References

- Allan B.B. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Averintsev S.S. (2005) *Sofija — Logos: Slovar'* [Sofia — Logos: A Dictionary]. Kyiv: Dukh i Litera. (In Russ.)
- Bell D. (2008) "Introduction: Under an Empty Sky — Realism and Political Theory" // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 1—25.
- Biermann F. (2014) *Earth System Governance: World Politics in the Anthropocene*. Cambridge (MA): The MIT Press.
- Booth K. (1991) "Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice" // *International Affairs*, vol. 67, no. 3: 527—545.
- Bordachev T.V. (2022) "Pochemu v Rossii ljubjat realistskuju shkolu mezhdunarodnykh otnoshenij" [Why Russia Loves the Realist School of IR] // *Profil'* [Profile], 1.09. URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-v-rossii-ljubyat-realistskuju-shkolu-mezhdunarodnykh-otnoshenij-1149560/> (accessed on 04.11.2022). (In Russ.)
- Bostrom N. (2019) "The Vulnerable World Hypothesis" // *Global Policy*, vol. 10, no. 4: 455—476.
- Brown C. (2015) "On the Disunity of Mankind" // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 44, no. 1: 141—143.
- Bull H. (1981) "Hobbes and the International Anarchy" // *Social Research*, vol. 48, no. 4: 717—738.
- Butterfield H. (1966) "The Balance of Power" // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 132—148.
- Buzan B. and G.Lawson. (2015) *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carr E.H. (1981) *The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, Basingstoke: Macmillan.

Craig C. (2003) *Glimmer of a New Leviathan: Total War in the Realism of Niebuhr, Morgenthau, and Waltz*. New York: Columbia University Press.

Crevelde M. van. (2019) *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Sotsium. (In Russ.)

Deudney D.H. (2007) *Bounding Power: Republican Security Theory from the Polis to the Global Village*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977—1978 uchebnom godu* [Sécurité, Territoire, Population: Cours au Collège de France (1977—1978)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Geuss R. (2008) *Philosophy and Real Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Guilhot N. (2010) “American Katechon: When Political Theology Became International Relations Theory” // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, vol. 17, no. 2: 224—253.

Guilhot N. (2017) *After the Enlightenment: Political Realism and International Relations in the Mid-Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hall J.R. (2009) *Apocalypse: From Antiquity to the Empire of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Hamilton C. (2017) *Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene*. Cambridge: Polity Press.

Herz J.H. (1951) *Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities*. Chicago: University of Chicago Press.

Herz J.H. (1957) “Rise and Demise of the Territorial State” // *World Politics*, vol. 9, no. 4: 473—493.

Hobbes T. (2001) *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Hobden S. (2002) “Historical Sociology: Back to the Future of International Relations?” // Hobden S. and J.M.Hobson, eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 42—59.

Hobson J.M. (2002) “What’s at Stake in „Bringing Historical Sociology Back into International Relations“? Transcending „Chronofetishism“ and „Tempocentrism“ in International Relations” // Hobden S. and J.M.Hobson, eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 3—41.

Hom A.R. and B.J.Steele. (2010) “Open Horizons: The Temporal Visions of Reflexive Realism” // *International Studies Review*, vol. 12, no. 2: 271—300.

Kaspe S.I. (2021) “Life, Death, and the State” // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 174—204.

Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.

Lake D.A. (2013) “Theory Is Dead, Long Live Theory: The End of the Great Debates and the Rise of Eclecticism in International Relations” // *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3: 567–587.

Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.

Lebow R.N. (2003) *The Tragic Vision of Politics: Ethics, Interests and Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lieven A. (2020) “Climate Change and the State: A Case for Environmental Realism” // *International Institute for Strategic Studies*, 24.03. URL: <https://www.iiss.org/blogs/survival-blog/2020/03/climate-change-and-the-state> (accessed on 05.11.2022).

Löwith K. (2021) *Smysl v istorii: Teologicheskie predposylki filosofii istorii* [Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Machiavelli N. (2015a) “Gosudar' (knjaz'”) [II Principe] // Machiavelli N. *Gosudar' [II Principe]*. Moscow: Akademicheskij proekt: 51–124. (In Russ.)

Machiavelli N. (2015b) “Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija” [Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio] // Machiavelli N. *Gosudar' [II Principe]*. Moscow: Akademicheskij proekt: 151–425. (In Russ.)

Mandelbaum M. (1981) *The Nuclear Revolution International Politics before and after Hiroshima*. Cambridge: Cambridge University Press.

McQueen A. (2018) *Political Realism in Apocalyptic Times*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mearsheimer J.J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London: W.W.Norton & Company.

Moltmann Jü. (2017) *Prishestvie Boga: Khristianskaja eskhatologija* [Das Kommen Gottes: Christliche Eschatologie]. Moscow: Izd-vo BBI. (In Russ.)

Morgenthau H.J. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House.

Morgenthau H.J. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.

Munster R. van and C.Sylvest. (2016) *Nuclear Realism: Global Political Thought during the Thermonuclear Revolution*. New York: Routledge.

Ord T. (2020) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York: Hachette Books.

Paipais V. (2016) “Overcoming „Gnosticism“? Realism as Political Theology” // *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, no. 4: 1603–1623.

Pocock J.G.A. (2020). *Moment Makiavelli: Politicheskaja mysl' Florentsii i atlanticheskaja respublikanskaja traditsija* [The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Rengger N. (2008) “Realism, Tragedy, and the Anti-Pelagian Imagination in International Political Thought” // Williams M.C., ed. *Realism Re-*

considered: *The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 118—136.

Rengger N. (2017) *The Anti-Pelagian Imagination in Political Theory and International Relations: Dealing in Darkness*. London, New York: Routledge.

Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press.

Roberts A. (2021) *Vot i vse: Zachem my pugaem sebja kontsom sveta?* [It's the End of the World. But What Are We Really Afraid of?] Moscow: Individuum. (In Russ.)

Scheuerman W.E. (2011) *The Realist Case for Global Reform*. Cambridge: Polity Press.

Scheuerman W.E. (2019) *Progressive Realism: Possible? Yes. Coherent? Perhaps Not*. Duke Global Working Paper Series No. 2019/10. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3448691 (accessed on 04.11.2022).

Sheehan M. (1996) *The Balance of Power: History and Theory*. London, New York: Routledge.

Shoemaker S.J. (2018) *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

“Should U.S. Foreign Policy Focus on Great-Power Competition?” (2020) // *Foreign Affairs*, 13.10. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ask-the-experts/2020-10-13/should-us-foreign-policy-focus-great-power-competition> (accessed on 05.11.2022).

Silaeв N.Yu. and N.P.Protsenko. (2020) “Snova modern? COVID-19 vozvrashchaet gosudarstvu ego iznachal'nuju prirodu” [Back into Modernity? COVID-19 Returns Nation-State to Its Original Nature] // *Mezhdunarodnaja analitika* [Journal of International Analytics], vol. 11, no. 1: 11—26. (In Russ.)

Steele B.J. (2007) “„Eavesdropping on Honored Ghosts“: From Classical to Reflexive Realism” // *Journal of International Relations and Development*, vol. 10, no. 3: 272—300.

Taubes J. (2009). *Occidental Eschatology*. Stanford: Stanford University Press.

Thompson K. and R.J.Myers, eds. (1984) *Truth and Tragedy: A Tribute to Hans J. Morgenthau*. London, New York: Routledge.

Trenin D.V. (2014) “The Ukraine Crisis and the Resumption of Great Power Rivalry” // *Carnegie Moscow Center*, July. URL: https://carnegieendowment.org/files/ukraine_great_power_rivalry2014.pdf (accessed on 03.11.2022).

Uchaev Ye.I. (2021). “The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats” // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 206—227.

Uchaev Ye.I. and A.A.Kvartalnov. (2022) “Temporal'nyj podkhod k probleme ustojchivosti jadernoj anarkhii” [Is Nuclear Anarchy Sustainable?

A Temporal Approach] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]: 1–23. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/3254/2474> (accessed on 14.12.2022). (In Russ.)

Voegelin E. (2021) *Novaja nauka politiki: Vvedenie* [The New Science of Politics: An Introduction]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (MA): Addison-Wesley.

Waltz K.N. (1990) “Nuclear Myths and Political Realities” // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 3: 730–745.

Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wight M. (1966) “The Balance of Power” // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 149–175.

Williams B. (2005) *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Williams M.C. (1996) “Hobbes and International Relations: A Reconsideration” // *International Organization*, vol. 50, no. 2: 213–236.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wohlforth W.C. (2021) “How (Not) to Evaluate U.S. Decline and the Emerging Great Power Rivalry” // *Journal of International Analytics*, vol. 12, no. 3: 12–18.

Zonova T.V. (2003) *Sovremennaja model' diplomatii: istoki stanovlenija i perspektivy razvitija* [The Modern Model of Diplomacy: Its Origins and Prospects]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)